

АГНЕС ДЕЛИСТА

ГРЕХ

по расписанию

LIVE
YOUR
SINS

ПРАВИЛА
СОЗДАНЫ,
ЧТОБЫ
ИХ НАРУШАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

18+

Агнес Делиста

Грех по расписанию

«Автор»

2026

Делиста А.

Грех по расписанию / А. Делиста — «Автор», 2026

Ночью я – «Барби», королева пилон и главная загадка VIP-зала. Днём – обычная девушка с горой кредитов и лютой ненавистью к соседу по лестничной клетке. Алекс – заносчивый бывший мажор, который потратил целое состояние в нашем клубе и остался ни с чем. В реальности мы готовы придушить друг друга за невытую кружку. Но ночью он – мой верный фанат, оставляющий последние гроши за приватные танцы с той, чьё лицо скрыто под маской. Он не догадывается, кому платит. Я с трудом держусь, чтобы не заехать ему каблуком. Но что произойдёт, когда тайное станет явным?

© Делиста А., 2026

© Автор, 2026

Агнес Делиста

Грех по расписанию

Барбара

VIP-комната тонула в душной полутьме. Тихую мелодию перекрывали громкие стоны за стеной, и Барбара отчаянно пыталась заглушить их отбивающим ритм стуком каблучков по гладкой столешнице. Клиент отсчитал пару купюр из пухлой, засаленной пачки, выложил их на стол и покинул помещение. Даже в приглушённом неоне было заметно, как пылают его уши: звуковое сопровождение чьего-то жаркого секса сделало пикантное шоу стриптизёрши ещё горячее.

Барбара села на край стола и тяжело перевела дыхание. Мышцы гудели после приватного танца, стопы ломило в новых высоченных «стрипах», которыми она с таким усердием выстукивала дробь – лишь бы клиент не слышал через вентиляцию то, чего в «Эдене» происходить не должно по определению... В носу всё ещё стоял стойкий коктейль из чужого парфюма, пудры и пота, струившегося по телу. Из-за него латексный костюм мерзко лип к коже, а кожаная маска, скрывавшая добрую половину лица, казалась нестерпимо тяжёлой.

Спрятав купюры за чашечку бюстгальтера и оставив дверь приоткрытой для следующего посетителя, она побрела по коридору в сторону гардеробной. Измотанная первой сменой после долгого перерыва, Барбара чуть не врезалась лбом в резко распахнувшуюся дверь подсобки.

— Ой! — раздался испуганный женский возглас.

— А, Барби... — следом прозвучал приятный юношеский баритон.

Себастьян, молодой администратор клуба, быстро прикрыл дверь. За его спиной стояла раскрасневшаяся, запыхавшаяся девушка с огненно-рыжими волосами. Яркий румянец безумно был ей к лицу.

— М-мы... Ты не подумай, мы просто... — начала было оправдываться коллега, взволнованно маша руками, будто пытаясь физически отогнать саму мысль о том, что делала нечто запретное в тесной подсобке.

— Вас было слышно в VIP-комнате на протяжении всей сессии, — усмехнулась Барбара. Впрочем, в её тоне не было и капли злости: благодаря этому «аудиосопровождению» её клиент закончил гораздо быстрее, дав ей возможность уйти раньше.

— Я говорил Монике, что пора менять вентиляцию, из-за неё здесь отвратительная слышимость, — как ни в чём не бывало проговорил Себас, поправляя слипшиеся от пота золотистые пряди.

— Барби... — жалобно протянула рыжеволосая, но Барбара вовремя остановила её поднятыми в знак капитуляции ладонями.

— Я молчок, Рокси, — уверила её блондинка и, протиснувшись между парочкой, пошла дальше.

По узкому коридору разносился звонкий стук её каблучков и разгорающийся тихим шёпотом спор Себастьяна с Роксаной. Они, должно быть, полюбовно ругались о том, как умудрились так глупо попасться. Барбара давно замечала, что рыжая танцовщица неровно дышит к администратору «Эдена», но не думала, что у них хватит дерзости устроить нечто такое прямо во время рабочей смены.

Из гардеробной доносился девичий гул. Барбара вошла без стука – здесь все привыкли к наготы, и переодевающиеся девчонки давно никого не смущали. Комната была просторной, но доверху забитой туалетными столиками, этажерками с косметикой и напольными вешалками, сгибающимися под тяжестью латексных и кожаных костюмов.

Посреди этого хаоса на диване вальяжно расположилась тёмноволосая Моника – главный бухгалтер клуба. В её руках покоилась скрутка из купюр – куда более внушительная, чем та, что оставил Барбаре её клиент. В углу у большого зеркала две другие танцовщицы неторопливо смывали яркий макияж.

— Закончила? Молодец, — мельком глянула на неё Моника и принялась отсчитывать деньги под тихий шелест бумаги и звук расстёгиваемой молнии на костюме Барбары.

— Из вентиляции несло таким смрадом, что клиент ушёл раньше времени, — нагло соврала Барбара, сдирая с потного тела латекс и бросая его в корзину для грязного белья.

— Чёрт, надо сказать технику, чтобы проверили шахты... — прошипела Моника и на мгновение замерла, сбившись со счёта. Барбара мысленно отметила, что Себас теперь у неё в долгу.

Кожаная маска опустилась на туалетный столик. Танцевать в ней было не слишком удобно, но клиенты охотно переплачивали за образ «той самой загадочной Барби». Изначально Барбара надевала её из страха: будучи студенткой, она панически боялась быть узнанной и вылететь из университета. Деньги требовались срочно и в огромных количествах, поэтому пришлось пойти на риск. Со временем публика прониклась симпатией к таинственной танцовщице и щедро осыпала её чаевыми. Так вынужденная мера стала её фирменной карточкой.

Моника отделила солидную стопку от общей пачки и протянула её Барбаре. На вид сумма существенно превышала привычный гонорар, из-за чего танцовщица недоумённо нахмурилась.

— Соболезную твоей утрате, Барби, — тихо произнесла Моника, пряча взгляд за прядью тёмных волос, будто не знала, уместно ли проявлять сочувствие. — Возьми. Потрать на то, чтобы прийти в себя, и подбери матери достойный памятник.

— Спасибо... — сдавленно ответила блондинка. Она не стала пересчитывать деньги при всех, но понимала, что старшая выделила ей щедрую материальную помощь из средств клуба.

— Жду тебя завтра на смене, — коротко кивнула Моника.

Барбара подхватила сумку, перепроверила телефон и спрятала поглубже полученный гонорар вместе с чаевыми, предварительно достав их из бюстгальтера. Попрощавшись, она переступила порог, но сквозь щель успела услышать ядовитый голосок Пенелопы:

— Повезло же... Тупым блондинкам всегда платят больше!

Пенни тихо рассмеялась, явно намереваясь перемыть коллеге косточки. Барбара лишь качнула головой. Она давно привыкла к тому, что коллектив «Эдена» – настоящий гадюшник, где сослуживицы не упустят случая обсудить чужой заработок, целлюлит или семейные трагедии.

Хотелось только одного: добраться до дома, смыть с себя этот день и провалиться в сон. Путь до её жилого комплекса занимал немного времени. В предрассветный час на улицах встречались разве что редкие пробегающие спортсмены да такие же полуживые работяги ночных смен.

В многоэтажке царила звонкая тишина. Лифт мгновенно спустился на первый этаж. До спасительной двери её квартиры оставалось буквально пару метров, когда на пороге соседней двери возникла высокая фигура с крайне недовольной физиономией.

— Опять шляешься по ночам, — едко бросил он, скрестив руки на груди и насупив густые тёмные брови. — Хватит стучать каблуками на весь этаж.

— Не твоё дело, — фыркнула Барбара, даже не пытаясь скрыть своего отвращения.

Его звали Алекс. Крайне высокомерный, раздражающий тип, который считал своим долгом цепляться к ней при каждой встрече у лифта. Что поражало больше всего – его безупречный внешний вид. На нём всегда была дорогая брендовая одежда, на запястье поблёскивали «Ролексы», а стрижка выглядела так, будто он только что покинул кресло элитного барбера.

Весь его облик транслировал статус «хозяина жизни», и общался он с окружающими соответственно – свысока.

Вот только жил этот «миллионер» в весьма скромном ЖК, аренду которого могла позволить себе даже Барбара, спускавшая баснословные суммы на лечение матери. Горделивый Алекс выглядел до боли комично в своей белоснежной отглаженной рубашке и налакированных туфлях на фоне обшарпанных дверей типовой «однушки».

Девушка провернула ключ в замке, юркнула в квартиру и захлопнула дверь перед его носом. Она знала о нём то, из-за чего любые разговоры становились пыткой. Смогли бы вы спокойно смотреть на человека, который каждую неделю оставляет целое состояние, чтобы посмотреть на ваш приватный танец на пилоне? Алекс спускал деньги на VIP-комнаты и дорогой алкоголь ради ночи в компании «Барби», даже не подозревая, что объект его вожеления переехала в квартиру напротив.

Без латексной маски он её не узнавал. А вот Барбара видела его холёное лицо слишком часто и сегодня сразу заметила, что Алекс выглядит ещё более раздражённым, чем обычно. Сложно сказать, кто бесил её больше – завистливая Пенелопа или этот пафосный лицемер... Раз уж он позиционировал себя как её главный фанат, мог бы хоть раз взглядеться в её черты.

В квартире царила давящая, непривычная тишина. После клубного баса и гула голосов Барбара ненадолго застыла в прихожей, боясь издать лишний звук.

Смыв под горячим душем впитавшийся в кожу пот, тяжесть и накопившуюся усталость, она закуталась в мягкий халат и прошла в спальню. Мебели здесь было по минимуму. Почти всю жизнь Барбара разрывалась между учёбой, работой и уходом за больной матерью. Теперь о прошлом напоминала лишь одинокая картонная коробка, стоявшая на кофейном столике.

Девушка опустила на ковёр и с трепетом открыла клапаны коробки. Внутри лежали немного запылывшиеся вещи, к которым до этого дня ей было страшно прикоснуться.

Дрожащие пальцы нащупали стеклянную фоторамку. Барбара бережно смахнула пыль влажной подушечкой пальца. На снимке – она сама, совсем ещё кроха с двумя забавными хвостиками и широкой улыбкой, в обнимку с молодой мамой, целующей её в макушку. На губах Барбары мельком появилась грустная улыбка.

Она потеряла маму совсем недавно. Слёз уже не осталось – все они были выплаканы за те долгие месяцы безумной борьбы за её жизнь.

В тот день, когда мама сделала последний вдох, Барбара ощутила оглушающую боль, перемешанную с долгожданным облегчением. Ей до сих пор было стыдно за то, что на похоронах она не проронила ни слезинки. Родственники за глаза называли её «бессердечной дрянью», хотя именно Барбара мчалась через весь город с кучей справок, вымаливая у врачей приём без очереди, и именно она продавала ночи в клубе, чтобы достать рецептурные лекарства. Когда мама начала замечать её ночные отлучки, Барбаре пришлось соврать, что она «хочет пожить отдельно», и снять эту квартиру. Днём она дежурила у кровати больной, а ночью сломя голову бежала в «Эден», выбивая себе самых щедрых клиентов.

Руки сами потянулись к потрёпанному фотоальбому. Она перелистывает пожелтевшие страницы, смотря на молодую маму и маленькую себя. На этих фотографиях нет больше никого – никого из тех «любящих» родственников, что рыдали навзрыд у гроба, ни отца, который испарился ещё до появления Барбары на свет.

На дне коробки лежала пачка официальных писем на имя «Адрианы Ринальди». Уведомления о задолженностях по кредитам, которые мама брала на медикаменты. Их Барбара закрыла в первую очередь, хотя на ней самой всё ещё висело несколько неподъёмных займов, о которых матери знать не следовало.

На плотную бумагу конверта упали две горячие слезы. Барбара вытерла глаза широким рукавом халата и уложила вещи обратно. Это было единственное, что она успела забрать из

маминой квартиры до того, как жадные родственники, словно стервятники, растащили всё имущество.

Теперь у неё остались лишь эти символы ушедшей жизни да память о единственном человеке, который действительно её любил.